

Договорив, он словно что-то вспомнил, лукаво усмехнулся и, вскинув руку, кончиком указательной кости коснулся подбородка Освальда, слегка пощекотав его:

— Или... ты на самом деле боишься подобного? Ваше Величество, грозный и прекрасный император, неужели в детстве тебя никогда не пугали до слез страшными сказками?

Ощущение от прикосновения голой кости к коже было странным и заставляло чувствовать себя неловко.

Освальд вскинул руку, намереваясь отпихнуть эту костлявую лапу, но в последний момент испугался, что просто раздробит ее в щепки. Ему пришлось резко замереть.

— Чушь собачья, — сердито буркнул он. — Вечно ты сочиняешь. Сколько себя помню, я и слезинки не проронил. Убери свои кости!

Потешив душу, Кевин, пошевелив бровями, убрал руку и снова указал костяными пальцами в окно:

— На чем я остановился? Ты меня перебил, и я совсем забыл. Ах да! Погода и времена года. Весной и осенью все заживает быстрее. Вон, посмотри на деревья и плоды за окном — они тоже растут быстрее, принцип тот же. Зимой слишком холодно: кровь-то остановить легко, но раны быстро обмороживаются. А если кожа омертвеет, приходится самому ее срезать, та еще морока. Ну а в такое лето, как сейчас, когда жарко и влажно, мясо, если оставить его на воздухе, быстро тухнет и гниет, да еще и мух привлекает...

Сначала он говорил вполне разумно, но под конец его сравнения стали совсем уж непотребными. У Освальда дернулась бровь, но он волей-неволей начал мысленно визуализировать услышанное. Представив парочку таких картин, он не выдержал и перебил его:

— Хватит, я понял. Будешь продолжать в том же духе — я тебе рот заткну. А то, что на заживление влияют внешние условия... ты ведь это не выдумал?

Кевин немного посерьезнел и покачал костяным пальцем:

— Я говорю на полном серьезе.

И тут же инициативно добавил:

— Хоть у тебя, парень, наконец-то проснулась совесть и ты снял с меня наручники, ближайшие пару дней мне все равно придется отсиживаться в комнате. Стоит мне выйти прогуляться в таком виде — и я распугаю до обморока целый полк.

Освальд только и мечтал, чтобы тот не шатался где попало, так что спорить, разумеется, не стал.

Поразмыслив еще немного и поняв, что добавить больше нечего, Кевин замахал руками, выпроваживая его:

— Ну и чего ты тут застыл как истукан? Иди занимайся своими делами.

Освальд в жизни не видел раненого, который размахивал бы голыми костями и при этом вел себя столь бодро. Он просто не знал, как на это реагировать, и медлил, не желая уходить вот

так просто. Перебрав в голове разные варианты, он спросил:

— Тебе точно больше ничего не нужно?

— Да вроде нет... А, точно! — этот барин окинул взглядом свою пропитанную кровью одежду, похожую на половую тряпку, и, вздернув подбородок, распорядился: — Будь добр, организуй ведро воды, мне нужно помыться.

Освальд:

— ...

Вам когда-нибудь доводилось видеть человека, у которого сгнили обе руки, но он стоит перед вами как ни в чем не бывало и требует ванну?

Вряд ли.

Обычно, если руки превращаются в такое месиво, человек если и не умирает, то как минимум теряет сознание.

Освальд уже готов был разразиться руганью, но, взглянув на непрошибаемый вид Кевина, мгновенно остыл и сердито проворчал:

— Какая тебе ванна в таком состоянии? Стоит провести этими клешнями по телу пару раз — и ты сдерешь мясо до костей. Смертельно будет потерпеть один день?

Кевин посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Я слышал, что это у тебя пунктик насчет чистоты, юный господин.

— У моей чистоплотности сегодня выходной! Даже если ты всю постель кровью перепачкаешь, я перетерплю. Велеть слугам сменить белье — дело одной секунды. Сиди смирно и не дергайся, — отрезал Освальд.

Кевин ухватил костяными пальцами край своей рубахи и встряхнул его:

— Легко тебе говорить. Давай поменяемся? Попробуй сам провести всю ночь, покрытый коркой засохшей крови.

На нем была лишь тонкая облегающая рубашка, которая из-за крови почти прилипла к телу. Ткань туго обтягивала талию и живот, сквозь нее смутно проступали рельефные очертания сухих подтянутых мышц. Если подумать с его колокольни, это и правда было не слишком приятно.

Освальд уступил:

— Воду на твои культы все равно лить нельзя. Давай так: я прикажу принести воды, ты оботрешься мокрым полотенцем, переоденешься и как-нибудь перетерпишь эту ночь.

— Договорились, — охотно согласился Кевин.

Освальд попросил Кевина на время уйти во внутренние покои, а сам позвал нескольких расторопных слуг. Они мигом сменили все окровавленное постельное белье и быстро вымыли пол.

Горячая вода нашлась быстро. Слуги довели ее до нужной температуры и принесли таз в комнату.

— Дальше я сам, свободны, — Освальд забрал полотенце, выставил слуг за дверь и снова запер ее.

Слуги были обучены дворцовому этикету: лишнего не высматривали и уж точно не болтали. Поэтому, хоть Кевин и провел в этой комнате несколько дней, за пределами коридора об этом никто не ведал.

Услышав стук двери, Кевин вышел из внутренних покоев и на ходу бросил:

— Оставь полотенце здесь и иди по своим делам.

Освальд проигнорировал его слова. Он смочил полотенце в теплой воде и, даже не подняв взгляда, бросил:

— Снимай свои тряпки.

Кевин:

— ...

— Ради такого пустяка, как обтирание, не стоит утруждать императора, — сухо усмехнулся Кевин и замахал руками, пытаясь выгнать его, точно надоедливую курицу.

Однако Освальд и не думал уходить. Напротив, он шагнул вперед и встал прямо перед ним. Держа в одной руке исходящее легким паром полотенце, он усмехнулся:

— В такие моменты ты вдруг вспоминаешь, что я император?

— Я как-то не привык... — начал было Кевин, но Освальд бесцеремонно оборвал его на полуслове.

— Пока ты лежал без сознания, тебя мыли не один раз. Что-то я не слышал никаких возражений. По-моему, ты прекрасно привык утруждать императора, — Освальд вздернул подбородок, пользуясь преимуществом в росте и телосложении. — Что до сноровки, то у тебя сейчас не хватает двух рук. Что до силы, то даже не пытайся сопротивляться. Ты ведь только что жаловался, что задыхаешься в этой крови? А теперь вдруг можешь потерпеть?

Кевин:

— ...

Он мысленно закатил глаза, подумав: «Совсем от рук отбился», и уже замахнулся ногой, чтобы выставить императора за дверь, но тот среагировал мгновенно и перехватил его движение.

— Тебе что, физически плохо, если ты хоть раз за день не попытаешься меня ударить? — спросил Освальд.

И добавил:

— Цыц. Я помогу тебе обтереть только спину. Спереди можешь скрести своими когтями сколько душе угодно.

Особые обстоятельства требовали особых мер. И пускай Кевин ни в божественном, ни в человеческом обличье не привык подпускать людей так близко, его костлявые пальцы сейчас были бесполезны, и до спины он бы точно не дотянулся. Он хмыкнул, недовольно опустил ногу и проворчал:

— Ладно уж.

Придя к согласию, Кевин не стал жеманничать. Его костяные пальцы оказались довольно цепкими: в пару движений он стянул окровавленную рубаху, обнажив поджарый, но отнюдь не хрупкий торс.

Плечи, спина, грудь и живот были покрыты красивыми рельефными мышцами — не перекачанными, но прорисованными безупречно. Было очевидно, что это не результат упорных тренировок, а плод многолетних реальных сражений.

Кевин краем глаза заметил, как Освальд, опустив взгляд, снова ополоснул остывающее полотенце в теплой воде, после чего зашел ему за спину.

И все же, несмотря на внутреннюю готовность, в то мгновение, когда теплое полотенце и чужие пальцы неожиданно коснулись спины, Кевин почувствовал, как волна мурашек пробежала от шеи к самым вискам.

В комнате почему-то мгновенно воцарилась странная, почти осязаемая тишина.

Всегда невозмутимый Кевин и острый на язык Освальд разом притихли.

В комнате в этот момент не было слышно ничего, кроме их несовпадающего дыхания и легкого влажного шороха ткани, скользящей по коже.

Пострадали у Кевина только руки, но брызги крови покрывали все его тело ниже груди, скапливаясь в основном в области талии и живота.

Поскольку Кевину было не на что опереться, Освальду пришлось придерживать его свободной рукой за плечо. Его четыре пальца легли на ключицу, а большой мягко лег на заднюю часть шеи.

Влажная ткань мягко скользила по рельефу спины, спускаясь ниже, к ребрам и пояснице, бережно стирая засохшую кровь. В такт этим движениям большой палец на шее Кевина то опускался, то поднимался, едва заметно поглаживая чувствительную кожу.

На какой-то миг Кевину показалось, будто все тело его онемело, а чувствительность сохранили лишь эти две точки — затылок и поясница. Он отчетливо ощущал фактуру полотенца и... легкую шероховатость тонких мозолей на пальце Освальда.

Непонятно почему, но в какой-то момент полотенце на пояснице замерло, а большой палец у основания шеи медленно огладил кожу еще дважды...